

Львовское Ставропигіальное братство.

(Рѣчь предъ защитой диссертациі).

Въ ряду крупныхъ явленій, которыми такъ обильно прошлое церковно-исторической жизни нашего юго-западнаго края, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ принадлежало *церковнымъ братствамъ*. Широкою сѣтью охвативъ многіе города и даже веси всей сѣверо-западной и западной Руси, принимая дѣятельное, а иногда и первенствующее участіе въ ходѣ церковно-историческихъ событій своего времени, имѣя при этомъ продолжительное историческое прошлое,—братства оставили многочисленныя слѣды своей энергичной дѣятельности на пользу православія и русской народности, оказавъ имъ огромныя услуги. Въ особенности велики были эти услуги въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтія, т. е. въ то время, когда большинство западно-русскихъ іерарховъ измѣнило православію, и когда православная церковь и русская народность подъ напоромъ искусно организованной и располагавшей громадными средствами инновѣрной (преимущественно латино-польской) пропаганды подвергались самой серьезной опасности. Въ это тяжелое время братскіе уставы расширяются, иначе сказать, расширяются задачи братствъ. Заботясь, какъ и въ первое время своего существованія о дѣлахъ благотворенія, больницахъ, пріютахъ, богодѣльняхъ, страннопріимныхъ домахъ,—продолжая быть окомъ слѣпыхъ, ногою хромыхъ, покровомъ живыхъ, молитвою за умершихъ,

заботясь о постройкѣ и благоуукрашеніи храмовъ,—братства въ указанный періодъ въ особенности значительно расширяютъ дѣятельность религіозно-просвѣтительную. Сюда прежде всего должно отнести заведеніе *школъ* и *типографій*. Пришедши къ убѣжденію, что русскимъ людямъ много повредило то, что они не могли имѣть собственныхъ школъ и потому „піюще отъ чуждаго (научнаго) источника“ невольно заражались и „смертоноснымъ ядомъ инновѣрія“,—лучшія братства главною своею задачею ставили воспитаніе юношества, притомъ воспитаніе въ духѣ строго православномъ. Съ этою цѣлію въ основу школьнаго воспитанія они полагаютъ изученіе родного славянскаго языка, справедливо усматривая тѣсную связь между православною вѣрою и русскою народностію; затѣмъ отводятъ мѣсто языку греческому, какъ языку того народа, отъ котораго принята Россіею св. вѣра и отъ котораго они ожидали помощи въ тревожное время религіозныхъ волненій. На первыхъ порахъ, по новости дѣла, не высоко поставлено было въ братскихъ школахъ преподаваніе богословія (по сему предмету сообщались свѣдѣнія элементарныя),—но оно проникнуто было православными традиціями и любовію къ вѣрѣ праотцевъ, основывалось на своемъ, а не на чуждомъ источникѣ. Не забыты были и науки свѣтскія, а также языкъ латинскій, хотя и въ скромныхъ (до учрежденія Кіево-Могилянской коллегіи) размѣрахъ. Громадная заслуга братскихъ школъ въ дѣлѣ воспитанія состояла, во 1-хъ, въ томъ, что они заботились о выработкѣ религіозно-нравственныхъ началъ своихъ питомцевъ и укореняли въ нихъ любовь къ родинѣ,—и во 2-хъ, въ томъ широкомъ доступѣ, который былъ открытъ въ нихъ для всѣхъ желающихъ просвѣщенія—и знатныхъ, и простыхъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ.

Другимъ важнымъ религіозно-просвѣтительнымъ учрежденіемъ братствъ были типографіи, въ широкихъ размѣрахъ удовлетворявшія назрѣвшимъ потребностямъ въ распростра-

неніи книгъ разнообразнаго содержанія, и прежде всего книгъ богослужебныхъ, при чѣмъ, въ виду поврежденія церковной обрядности въ данное время, дѣлаемы были попытки къ исправленію сихъ книгъ по греческимъ подлинникамъ. Далѣе слѣдуютъ книги религіозно-нравственнаго и учительнаго содержанія, какъ то: нѣкоторыя произведенія св. отцевъ, сборники нравоучительныхъ повѣствованій, поученія извѣстныхъ проповѣдниковъ и т. п. Изданіемъ таковыхъ книгъ имѣлось въ виду предоставлять православнымъ „воду“ для удовлетворенія духовной ихъ жажды „отъ своихъ студенецъ и источниковъ“. Затѣмъ слѣдуютъ учебники и учебныя пособія: азбуки, учительные часословы и псалтыри, грамматики, а также разныя произведенія школьнаго пера (вирши, панегирики и т. п.).

Видное мѣсто въ ряду братскихъ изданій занимали еще и произведенія полемическія, такъ какъ враги православія для утвержденія уніи и латинства не ограничивались мѣрами репрессивными, но употребляли мѣры и цивилизаторскія: убѣжденія, разсужденія въ пользу уніи въ формѣ проповѣдей, посланій и цѣлыхъ сочиненій. Такіе приемы пропаганды требовали соотвѣтствующаго отпора, и такой отпоръ иногда блестящій (напр., по вопросамъ о главенствѣ папы, объ исхожденіи Св. Духа) неоднократно братствами былъ даваемъ.

Для утвержденія православныхъ въ праотцевской вѣрѣ и огражденіи ихъ отъ сѣтей инновѣрія служилъ также институтъ проповѣдниковъ, о возможно высокой постановкѣ котораго особенно заботились братства, чего въ большинствѣ случаевъ и достигали.

Но заботами объ увеличеніи религіозно-просвѣтительныхъ средствъ западно-русской церкви, дѣятельность братствъ далеко не ограничивалась. Не мало усилій употребляли они и на возстановленіе нарушенныхъ чрезъ введеніе уніи

правъ сей церкви. Заслуги братствъ въ дѣлѣ юридической борьбы за права своей церкви состояли главнымъ образомъ въ томъ, что они своими призывающими къ единодушію и непоколебимой твердости въ вѣрѣ и любви къ родинѣ посланіями объединяли православныхъ и направляли ихъ на защиту той и другой. Не говоримъ уже о матеріальныхъ жертвахъ со стороны братствъ для означеннаго дѣла.

Не безъ большаго содѣйствія братствъ состоялось и чрезвычайно важное въ интересахъ православія возстановленіе Іерусалимскимъ патріархомъ Теофаномъ православной южно-русской іерархіи (1620 г.).

Братства представляли собою *коллективный патронатъ* надъ церковію и сила ихъ заключалась именно въ этой *коллективности*. Много добра сдѣлали церкви въ разсматриваемое время и представители единоличнаго патроната. Но единоличный патронатъ представлялъ собою мечъ обоюдоострый. Когда мечъ находился въ рукахъ ревнителя православія, онъ охранялъ православную церковь, а когда ревнитель этотъ или его потомки измѣняли православной вѣрѣ, онъ былъ обращаемъ противъ этой-же церкви. Совершенно не то видимъ въ братствахъ. Правда, измѣнники вѣрѣ находились и среди братчиковъ, но такіе предатели немедленно исключались изъ братскихъ списковъ и мѣсто ихъ быстро восполнялось именами вновь-поступавшихъ членовъ, доступъ въ которые для лицъ, ревнующихъ о вѣрѣ, широко былъ открытъ. Измѣна не распатывала братскихъ устоевъ, и они не переставали оставаться крѣпкими и надежными.

Братства въ своемъ развитіи прошли нѣсколько стадій. До 80-хъ годовъ XVI столѣтія они имѣли характеръ почти исключительно благотворительный. Съ конца XVI столѣтія, когда религіозное движеніе, вызванное борьбою съ иновѣріемъ, охватываетъ всѣ слои южно-русскаго общества, братства становятся во главѣ этого движенія и сообщаютъ ему

сообразное съ обстоятельствами направлєніе, выразившееся, какъ мы видѣли, въ усиленіи дѣятельности религіозной, просвѣтительной и отчасти боевой за юридическія права православної церкви. Кульминаціоннаго своего пункта братства достигли къ концу 30-хъ годовъ XVII столѣтія. Въ это время дѣятельность братствъ неразрывно была связана съ исторією западно-русской церкви, можно сказать, дѣлала эту исторію.

Со времени возстановленія правъ западно-русской церкви въ 1632—1633 г.г. и со вступленіемъ на Кіевскую митрополію Петра Могилы братства начинаютъ клониться къ упадку: число ихъ постоянно сокращается, дѣятельность продолжавшихъ существовать братствъ сѣуживается, вліяніе на ходъ церковно-историческихъ событій ослабѣваетъ, религіозно-просвѣтительное значеніе умалывается и, наконецъ, они мало по-малу совершенно сходятъ съ исторической сцены или, точнѣе, отъ нихъ остаются слабые, едва замѣтные слѣды.

Причины упадка братствъ коренились въ измѣнившихся условіяхъ церковно-исторической жизни нашего юго-запада. Расцвѣтъ братствъ падаетъ на то время, когда церковная власть, вслѣдствіе измѣны православію большинства іерарховъ съ митрополитомъ во главѣ, была ослаблена. Это обстоятельство въ указанную годину бѣдствій выдвинуло на первый планъ дѣятельность братствъ, состоящихъ преимущественно изъ мірянъ. Участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви есть дѣло законное, вытекающее изъ духа православнаго вѣроученія и потому всегда желательное. Православная церковь чужда воззрѣній католицизма, усилившаго значеніе іерархіи до такой степени, что пасомые представляютъ изъ себя какъ бы инертную массу. Однако православіе отводитъ участію мірянъ въ дѣлахъ вѣры извѣстную область и ограничиваетъ ее извѣстными предѣлами, *строго опредѣляемыми церковными канонами*. Въ данномъ случаѣ право-

славіе рѣзко отличается и отъ протестантизма, проповѣдующаго безусловное участіе въ дѣлахъ вѣры всѣхъ вѣрующихъ, что неизбежно ведетъ къ ослабленію даже уничтоженію іерархіи. Братства, какъ мы видѣли, оказали православію своею дѣятельностію великія услуги; но въ этой дѣятельности, вслѣдствіе распатанности іерархическихъ устоевъ, была сторона, не согласная съ каноническими постановленіями: участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви *переходило дозволенные границы* и простиралось иногда до подчиненія духовныхъ лицъ власти лицъ свѣтскихъ. Заявленіе Саковича при полемикѣ съ православными, что у нихъ *non clerus populum, sed populus clerum dirigit* не далеко было отъ истины. А заявленіе нѣкоторыхъ изъ самихъ православныхъ: *не помы насъ спасутъ, или владыки, или митрополиты, но вѣры таинство наше православныя церкви*,—такія и симъ подобныя заявленія сильно отзываются протестантизмомъ. Поэтому, когда со вступленіемъ на митрополию Петра Могилы обращено было самое серьезное вниманіе на упрядоченіе церковныхъ дѣлъ, между прочимъ, и въ административномъ отношеніи, энергичный митрополитъ, хотя и высоко цѣнилъ заслуги братствъ, употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы дѣятельность ихъ ввести въ законныя границы. Не безъ борьбы сильнѣйшія братства отрекались отъ своей, какъ бы обычаемъ освященной, автономіи, но несокрушимая воля митрополита восторжествовала. Были, разумѣется, и другія причины упадка братствъ, какъ-то: проникновеніе въ западно-русскія области порядковъ Руси Московской, бѣдствія, испытываемыя православными отъ поляковъ, неурядицы въ средѣ самихъ братствъ, ослабленіе въ нихъ единодушія и т. п.,—но мы указываемъ въ данномъ случаѣ на причину главную и существенную.

Мы сказали, что въ разсматриваемое время церковныя братства широкою сѣтью охватывали многіе города и отчасти

даже веся сѣверо-западной и юго-западной Руси. Братствъ было очень много. Но не всѣ они стояли на одномъ уровнѣ въ своей дѣятельности, и не всѣ оставили одинаковые слѣды, а отсюда и не всѣ имѣютъ одно и то же церковно-историческое значеніе. Сказано: *ина слава солнцу, и ина слава лунѣ, и ина слава звѣздамъ: звѣзда бо отъ звѣзды разнствуетъ во славѣ* (1 Кор. XV, 41).

Между свѣтилами первой величины, между знаменитѣйшими церковными братствами юго-западной Руси первенствующее мѣсто принадлежитъ братству Львовскому, историческія судьбы котораго и составляютъ предметъ нашей диссертациі.

Львовское братство было *старѣйшимъ и первымъ* между всѣми православными братствами. Послѣднія должны были сообразоваться съ постановленіями своего старѣйшаго брата и подчиняться его требованіямъ. Такъ смотрѣли на Львовское братство восточные патріархи, щедро надѣлявшие его правами; такъ было и на самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, въ годы его расцвѣта. Львовскій братскій уставъ, построенный на началахъ христіанскихъ, служилъ образцомъ для другихъ братствъ. Тѣ религіозно-просвѣтительныя средства, о которыхъ мы говорили, характеризую дѣятельность братствъ, въ наибольшемъ изобиліи сосредоточены были въ братствѣ Львовскомъ. Школа этого братства долгое время была свѣточемъ для всей западной Руси и даже другихъ единоувѣрныхъ странъ (Молдаво-Влахіи), снабжая научными силами нововозникавшія учебныя заведенія. Братская типографія неустанно работала, удовлетворяя разнообразнымъ потребностямъ—и богослуженія, и религіозно-правственнаго чувства, и школьнаго обученія, и вообще просвѣщенія въ духѣ православія. Не говоримъ уже о благотворительныхъ заведеніяхъ, поставленныхъ тутъ образцово, заботахъ о благодѣніи храмовъ, чинномъ отправленіи въ нихъ богослу-

женіи, о живой церковной проповѣди и т. п. Первенствующее мѣсто, на ряду съ Виленскимъ, принадлежало Львовскому братству и въ дѣлѣ борьбы съ латино-уніатами на почвѣ юридической, для чего оно не щадило ни силъ, ни средствъ.

Правда, Львовское братство не устояло на высотѣ своего положенія и подъ вліяніемъ непомерно тяжелыхъ условий, между прочимъ и матеріальной скудости, а главное вслѣдствіе ослабленія въ средѣ братчиковъ единодушія и нравственныхъ силъ—этихъ твердынь, способныхъ противостоять всякимъ бурямъ и невзгодамъ,—въ 1708 году вынуждено было принять унію¹⁾.

Съ этого времени Львовское братство потеряно было для православія; но надежды латино-польской партіи, мечтавшей, что съ переходомъ братства въ унію, на которую эта партія смотрѣла, какъ на переходную ступень къ полному *окатоличенію*, а отсюда и *ополяченію*,—надежды эти не осуществились. Если по принужденію принятая самая унія слабо прививалась къ братству, то несравненно менѣе имѣли успѣховъ попытки католиковъ къ ополяченію братчиковъ, и Львовское братство, извѣстное въ настоящее время подъ именемъ Львовскаго Ставропигійскаго Института, доселѣ

¹⁾ Съ этого времени, полагаемъ, Львовское братство и лишилось законнаго права именовать себя *Ставропигіальнымъ*, какъ нарушившее обязательство имѣть своею главою (κεφαλῇ) Константинопольскаго патріарха и отъ него получать „всякое устройство, судъ и управленіе“. (Diplomata Statutaria a Patriarchis Orientalibus Confraternitati Staurropigianae Leopoliensia. 1586—1592 data, cum aliis litteris coaevis et appendice. Tomus II. Editionis jubilaeae in memoriam Confraternitatis Staurropigianae Leopoliensis aucte trecentos annos fundatae Leopoli. 1895 № XXIII, стр. 89). Прервавъ общеніе съ источникомъ своихъ Ставропигіальныхъ правъ, братство, естественно, должно было утратить и эти права. Правда, Львовское братство и послѣ измѣны православію продолжало называть себя Ставропигіальнымъ, продолжаетъ называться и теперь Ставропигіискимъ Институтомъ; но это уже узурпація. (Узурпація, хотя и вызванная желаніемъ сохранить связь съ прошлымъ, но все-таки *узурпація*).

служить твердымъ оплотомъ русской народности въ Галиціи. Но судьбы братства, по переходѣ его въ унію, выходятъ изъ предѣловъ нашей темы.

Въ заключеніе я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о своемъ трудѣ. Трудъ этотъ многолѣтній. Онъ началъ мною еще на студенческой скамьѣ. Принимаясь за него, я воодушевился горячимъ желаніемъ освѣтить, хотя въ нѣкоторыхъ чертахъ, прошлое моей многострадальной родины—Галицкой Руси, оторванной насиліемъ отъ родной ея матери—Великой Россіи. Къ счастью при своей работѣ я нашелъ надежныхъ руководителей. Одинъ изъ нихъ находится уже въ селеніяхъ небесныхъ, и о немъ—незабвенномъ профессорѣ И. И. Мазышевскомъ—возносится мною ежедневно сердечная молитва къ Господу. Имя же другого—С. Т. Голубева навсегда пребудетъ въ моемъ сердцѣ, преисполненномъ къ нему любовью и горячею благодарностію. Такимъ же благодарнымъ чувствомъ я одушевленъ и ко всей Академической корпорации во главѣ съ ея настоящимъ и бывшими Преосвященными ректорами (начиная съ Преосвященнаго Сильвестра) за великую поддержку при моемъ трудѣ,—поддержку не одну только нравственную. Дѣло въ томъ, что характеръ моей работы требовалъ широкаго знакомства съ рукописнымъ матеріаломъ, хранящимся въ архивахъ разныхъ городовъ, преимущественно-же во Львовѣ. Нужны были неоднократныя поѣздки для собиранія этого матеріала, слѣдовательно, нужны были и отпуски, и я ихъ получалъ. Мало того, содѣйствіе Академическаго Правленія простиралось до того, что оно брало на себя хлопоты (увѣчавшіяся усиліемъ) о присылкѣ къ нашей Академіи для меня рукописей изъ-за границы (изъ Львовскаго Ставропигійскаго Института, которому и приношу искреннюю благодарность). Только при такихъ условіяхъ я и имѣлъ возможность собрать и издать массу матеріала, имѣющаго то или иное отношеніе къ предмету моего изслѣдованія. Въ данномъ случаѣ я разумѣю какъ

документы¹⁾, приложенные мною къ самому изслѣдованію, такъ и одновременно съ нимъ изданные Кіевскою Археографическою Коммиссіею три обширныхъ тома Архива Юго-Западной Россіи. Въ виду этого со стороны документальности работа моя обставлена, повидимому, довольно прочно. Что же касается самого изслѣдованія, то оно, можетъ быть, написано рукою и слабою, но написано, смѣю сказать, съ великою любовію къ предмету и величайшимъ стараніемъ и тщательностію. Я сдѣлалъ, сообразно съ своими способностями, все, что могъ.

А. Крыловскій.

¹⁾ Документы въ приложеніи печатались не раньше, какъ слѣдовало-бы, а послѣ уже напечатанія текста моего сочиненія. Этимъ и объясняется, что въ сочиненіи я дѣлаю ссылки не на номера приложенія, которое въ это время еще, какъ сказано, не было напечатано, а на номера *архивные* (45 стр. сочин., № I, 55 стр. сочин., № LXI; 93, № XVII; 95, № XXIV; 100, № XXXV; 114, № LXV, LXVIII; 117, № LXIX, LXX; 118, № LXXI; 118, № LXXIII; 160, № VIII; 161, № XLIV; 169, № LVIII, 169, № LIX; 169, № LXIV. Конечно, эта цитация будетъ ставить читателя иногда въ нѣкоторое затрудненіе, при подыскиваніи нужныхъ документовъ, но произошло это несовершенство научнаго аппарата не по моей винѣ: документы были мною получены и могли быть изданы только уже по напечатаніи мною сочиненія.